

ПРОБЛЕМА РАЗРАБОТКИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОЕКТОВ ОБОРОНЫ НИЗОВЬЕВ И УСТЬЯ р. АМУР В 1906–1914 гг.

Часть 2. Решение Особого Совещания СГО и сложности его реализации

На материалах Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Хабаровского края впервые в отечественной историографии исследуется история разработки и последующей реализации проекта организации обороны низовьев и устья р. Амур в 1906–1914 гг. Изучены решения Особого Совещания при СГО и проблемы их практической реализации. Введены в научный оборот и проанализированы данные о визите в 1911 г. в Приамурский военный округ военного министра В.А. Сухомлинова, принятых им в Николаевске решениях об изменении планов строительства Николаевской крепости, характеристике Амурской речной флотилии.

Ключевые слова: Дальний Восток России; Приамурский военный округ; р. Амур; Николаевская-на-Амуре крепость; Совет Государственной обороны; Русско-японская война 1904–1905 гг.; И.М. Диков; А.П. Вернандер.

Данная статья является продолжением публикации результатов исследования, посвященного разработке и обсуждению в Особом Совещании при Совете Государственной обороны (СГО) комплексного проекта обороны низовьев и устья р. Амур, а также причин, по которым большая его часть так и не была реализована на практике. Интерес к истории военных реформ в Российской империи накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг., а также дискуссии об их успешности, достаточности и адекватности потенциальным угрозам в последнее время только активизировались. В то же время подавляющее большинство исследователей по традиции сосредоточились на рассмотрении преобразований центрального аппарата Военного министерства и той части армии, которая дислоцировалась в Европейской России, оставив расположенные на территории Сибири и Дальнего Востока военные округа и войска за пределами своего внимания. При этом особенность империи как раз в том и состоит, что ситуация в центре и на периферии может существенно отличаться, знания центральной администрации о делах на окраинах могут быть поверхностными и недостаточными, а разрабатываемые проекты – не всегда соответствующими текущим надобностям быстро меняющейся обстановки.

В этой связи изучение военных реформ и проектов на материалах именно периферийных территорий представляет особый интерес, так как при их исследовании видны не только ключевые и хорошо известные «государственные болезни», такие как недостаток финансовых средств в бюджете, но и те, которые на материалах Европейской России обычно выявить сложно. Поэтому в статье будут рассмотрены не только итоговые решения Особого Совещания при СГО, выработанные в 1906 г., но и то, что увидел в отношении их реализации лично военный министр В.А. Сухомлинов во время своего визита в Приамурский военный округ весной 1911 г. (Все даты до 14 февраля 1918 г. приведены по Юлианскому календарю, т.е. по старому стилю.)

После окончания работы двух комиссий, получения справки из Морского технического комитета (МТК) и подготовки всех необходимых материалов обсуждение обороны низовьев и устья р. Амур снова вернулось в Особое Совещание СГО, которому пред-

стояло рассмотреть все наработки комиссий, прийти к определенному решению и оформить его в виде итогового доклада для председателя СГО – великого князя Николая Николаевича-младшего. Это было делом не простым, но вполне возможным, тем более что в работе обеих комиссий принимали участие представители как военного, так и морского ведомств, благодаря чему их решения изначально оказались достаточно сбалансированными. Положение облегчало и то, что Особое Совещание возглавлял тот же человек, что и «флотскую» комиссию – будущий морской министр генерал-адъютант адмирал И.М. Диков. Поэтому за основу доклада были взяты наработки именно этой комиссии, что видно даже текстологически: после описания военно-стратегической ситуации в регионе, военной обстановки в империи Микадо и географического описания Приамурья, как потенциального вспомогательного театра военных действий в новой войне с Японией, следовали разделы, посвященные организации «подвижной обороны», т.е. созданию Амурской речной флотилии, а уже затем – «неподвижной обороны», т.е. фортификационной обороны местности.

Итак, было решено, что принимаемые за исходный пункт указания Высочайше утвержденного Постановления СГО от 5 июля 1906 г., а также все соображения политического, военно-стратегического и гидрографического характера указывают, что «подвижная оборона низовьев Амура, наиболее отвечающая настоящему положению, должна состоять из: 1) речной флотилии боевых судов; 2) плавучих средств, наиболее необходимых для ее обслуживания; 3) баз для снабжения и баз операционных, достаточно защищенных; 4) особого запаса орудий для внезапного для противника вооружения заранее намеченных пунктов; 5) минных заграждений как самого Амура, фарватеров Татарского пролива, так и, в случае надобности, заливов Счастья и де-Кастри и 6) наблюдательных пунктов и сторожевой службы» [1. Л. 7 об. – 8].

Речная флотилия должна была состоять из следующих судов: 4 «подводных, или водобронных, или полуподводных» лодок; 10 канонерских лодок («броненосных») водоизмещением 3 500–4 000 т, вооруженных – половина 12-дюймовыми орудиями в башнях, половина – 8-дюймовыми орудиями в башнях.

Калибр орудий и толщина брони были определены исходя из сил предполагаемого противника, гидрографических условий местности и последних постановлений МТК. Тип «подводных, или водобронных, или полуподводных» лодок Совещание точно не определило, «представляя решение этого вопроса специалистам подводного плавания, но как необходимые элементы для этих лодок, считает район их плавания надводного от 500 до 1000, подводного 40 миль, и не менее двух минных аппаратов». Также в речную флотилию должны были войти 2 минных заградителя с запасом 200–300 плавучих мин того образца, который будет рекомендован МТК как наиболее подходящий, и, по крайней мере, 2 миноносца-разведчика для обслуживания флотилии, причем «можно думать, что постройки таких миноносцев можно избежать, если их перевести из имеемых в настоящее время во Владивостоке» [1. Л. 8–8 об.].

При выборе различных типов судов для Нижне-Амурской флотилии Совещание руководствовалось соображением, «чтобы эти суда в отдельности были бы безусловно сильнее тех судов Японского или Китайского флота (предполагаемый союз), которые указаны в Справке Морского Генерального Штаба» [Там же. Л. 10]. Союз Китая с Японией в это время считался экспертами Министерства иностранных дел уже практически невозможным, а вот возможность использования китайских ресурсов и судов Японией после его захвата была более чем вероятной, и учитывать такой сценарий было нужно. Следовательно, Совещание хотя и исходило из ошибочных посылок, но выводы сделало, в целом, правильные.

Необходимость защищать Сахалинский фарватер и не дать возможности противнику сосредоточить там свою эскадру с целью «препятствовать нам пользоваться выходными фарватерами Амура» потребовала установки на канонерских лодках наиболее дальнобойных и сильных 12-дюймовых орудий новейшего образца. Благодаря такому вооружению «броненосные лодки» должны были иметь возможность в случае необходимости бомбардировать местность на расстоянии 17 верст (100 кабельтовых). Наличие же на неприятельских судах 8-дюймовых орудий потребовало от Совещания настаивать на вооружении русских лодок артиллерией того же калибра, но более сильной и «потому для вооружения предполагаемых броненосных лодок взяты 8-ми дюймовые орудия, но более сильные, т.е. в 50 калибров длиною (у Японского и Китайского пока 8-ми дюймовые орудия всего в 45 калибров длиною)» [Там же].

Бортовое бронирование лодок в 6-дюйм. и палубы в 2-дюйм. проектировалось, также ориентируясь на калибр орудий предполагаемого противника и соображение, что при борьбе в Амурском лимане или близ него, боевое расстояние будет около 25–30 кабельтовых. «Применительно к этому расстоянию, а также рассматривая, что противнику не удастся, по крайней мере первое время, иметь полевую артиллерию сильнее 6 дм. (дюймов. – *Р.А.*) – можно считать броненосные лодки неуязвимыми для артиллерии противника» [Там же]. Против торпедных атак броненосные лодки должны были иметь противоминные переборки и 120-мил-

лиметровую артиллерию. Из таких орудий каждая лодка могла бы действовать четырьмя орудиями по всем направлениям (в некоторых курсовых углах даже шестью).

Для сторожевой службы, принимая во внимание полное отсутствие миноносцев на р. Амур, Совещание нашло «наиболее дешевым иметь моторные катера с большой скоростью – 20–25 узлов, вроде тех, которыми в настоящее время снабжаются все береговые английские станции (типа Ярроу, 8 тонн, скорость 24,5 узла). Эти катера можно вооружить 57 мм орудием и пулеметом и, в случае надобности, приспособить к минным атакам». Для очистки фарватеров, опять же принимая во внимание полное отсутствие портовой инфраструктуры в г. Николаевск и то, что по ходу операции «может встретиться необходимость протравить фарватер, лиман, вход в бухту и т.д., на лодках предполагается иметь катера несколько большего водоизмещения, со всеми приспособлениями для траления и подъема мин» [1. Л. 10–10 об.].

«Чтобы не отлучаться от эскадры за частыми погрузками топлива», район плавания канонерских лодок предполагался в 2 000 миль. Причем при его определении учитывали и то, что лодки, возможно, придется построить в Петербурге и послать на Амур морем. Последнее, с технической точки зрения, считалось вполне возможным в том случае, если с лодок будет снята тяжелая артиллерия и они пойдут без больших башен, поскольку тогда их водоизмещение уменьшится, а район плавания несколько увеличится, дав возможность сделать более длинные переходы в Индийском океане [Там же. Л. 10 об.].

Любопытно, что к моменту подготовки итогового доклада Особого Совещания некоторыми корабельными инженерами (старшие судостроители Шлезингер, Свирский; младшие судостроители – Титов, де-Гоффе, Матросов), а также заводами, желающими получить заказ на эти суда (Путиловский, Сормов, Невский и др.), уже были составлены эскизные проекты (не менее 10) лодок, которые и были представлены в Совещание. Оттуда их, правда, отправили «для более обстоятельного рассмотрения» председателю МТК контр-адмиралу А.А. Вирениусу с просьбой «не отказывать в содействии по их выбору». Чтобы облегчить работу МТК, была составлена сравнительная таблица наиболее важных элементов. Последняя сильно озадачила членов МТК, по мнению которых, «в заданном водоизмещении затруднительно совместить заданные элементы во всех представленных проектах, на вес корпуса и артиллерии уделен малый % водоизмещения» [Там же]. Тем не менее проекты были рассмотрены и лучшими оказались: «по весу корпуса – №№ 8 и 5, по бронированию – №№ 10, 4 и 8, по механизмам – №№ 6 и 2, по артиллерии №№ 6 и 2» [Там же. Л. 11]. Выразить свое мнение более конкретно МТК, судя по всему, затруднился.

Два минных заградителя водоизмещением по 750 т, имеющие 200–300 мин, предполагалось использовать в составе Амурской речной флотилии для постановки мин в бухту Мосолова, заливы Де-Кастри, Счастье и др., а также для установки отдельных минных банок в Охотском море и Татарском проливе. Это

было принципиально важно, поскольку установка минных заграждений не со специальных судов потребовала бы продолжительного времени и большого труда. В случае же внезапного объявления войны такие заграждения при помощи заградителей, можно было поставить за несколько дней. Подводные лодки предназначались для мелких атак не только неприятельского минного флота, но и транспортного. «Принимая во внимание, что неприятельская армия, ведущая операции в Южно-Уссурийском крае, принуждена будет иметь коммуникационную линию морем на Японию, нужно думать, что само присутствие подводных лодок в составе Амурской флотилии произведет сильное моральное впечатление на противника», – констатировал председатель Особого Совещания. Однако тип лодок, наилучший при данных условиях, там определить не сумели и сошлись на том, что «это дело специалистов, но принимая во внимание значительные удаления бухты Мосолова и де-Кастри от Николаевска, надо думать, что там необходима лодка с надводным районом от 500–1 000 миль (переход во Владивосток) и подводным не менее 40 миль» [1. Л. 11].

В докладе председателю СГО великому князю Николаю Николаевичу-младшему особо подчеркивалось: «Плавающие средства для флотилии указаны в наименьшем для нее необходимом размере: без этих средств флотилия существовать не может, в особенности принимая во внимание крайнюю бедность в плавучих средствах на Амуре и отдаленность этого пункта от России. Исходя из вышеизложенного, Совещание полагает, что для действительной обороны устьев Амура, кроме береговых укреплений, необходимо десять речных лодок, от 3 ½ до 4-х тысяч тонн водоизмещения, вооруженных или двумя 12” и 8 – 120 мм, или четырьмя 8” и восемью 120 мм орудиями; два заградителя, не менее четырех подводных или водобронных лодок, что вместе с перечисленными выше плавучими средствами для обслуживания флотилии, потребует единовременного расхода, при постройке в Петербурге, около 40.860.000 рублей, кроме устройства баз, на что потребуется, вероятно, еще миллиона два. Средства подвижной обороны на нижнем Амуре, в случае крайности, представляется возможным уменьшить до 5-ти броненосных лодок, 2-х заградителей и 4-х подводных лодок, для чего, не уменьшая вспомогательных плавучих средств, потребуется при постройке судов в Петербурге, около 23.360.000 рублей, а вместе с устройством баз – около 25.000.000 рублей. Такая уменьшенная Нижнеамурская флотилия хотя и не вполне обеспечит оборону устья Амура, но, во всяком случае, может на более или менее продолжительное время задержать как прорыв неприятельского флота в Амур, так и движение вверх по реке до Хабаровска» [Там же. Л. 11–11 об.].

Плавучие средства для обслуживания речной флотилии должны были составить: 1 самодвижущаяся баржамастерская, 2 ледокола-буксира, баржи для жилья второй смены подводных лодок, плавучий «док в 6.000 тонн» и плавучий кран грузоподъемностью 100 т.

Что касается баз снабжения и операционных, то при выборе места для них решили, что максимальная глубина осадки судов проектируемой флотилии

(12 футов) позволяет выбрать пункт для базы снабжения, где будут храниться запасы, устроены мастерские и сосредоточены средства для исправления капитальных повреждений судов флотилии – только в районе между Хабаровском и Николаевском. Как пункт, лежащий на границе районов предполагаемой деятельности средней и нижней Амурской флотилии, Хабаровск, соединенный с Европейской Россией железной дорогой, представлял большие выгоды, но в качестве главной базы для флотилии имел и крупные неудобства. В плане безопасности Хабаровск как база снабжения значительно уступал и пунктам, находящимся между «Зеленым Бором и Николаевском, которые с постройкой предложенных Совещанием укрепленных пунктов, будут защищены от внезапного захвата неприятелем. Однако отсутствие удобных путей сообщения зимой и во время распутицы, когда – надо думать, на судах флотилии будут производиться наиболее капитальные ремонты, делает эти пункты неудобными, что заставило Совещание склониться к выбору для базы снабжения мест где-нибудь вблизи Хабаровска, например на Красной реке или другом, более удобном, месте, при условии, чтобы Хабаровск был защищен» [1. Л. 8 об.].

При выборе места для операционной базы Совещание, с одной стороны, руководствовалось тем, что за почти полным отсутствием портов по берегам р. Амур и Татарского пролива устройство правильно организованных операционных баз со вспомогательными пунктами и со всеми необходимыми мастерскими, запасами снабжения, минным составом и т.п., т.е. всем тем, что могло бы понадобиться флотилии для ее приготвления к выходу в море для операций против неприятеля, «обошлось бы чрезвычайно дорого и не отвечало бы требованиям обороны только устья реки». С другой стороны, принимая во внимание, что ни одна военноморская экспедиция не может обойтись без операционных баз, Совещание предложило организовать для этой цели «особую плавучую базу, которая удовлетворяя в известной мере требованиям, предъявляемым операционной базе, могла бы быть установлена в *место, которое начальник флотилии признает наиболее подходящим в данную минуту и при данном общем стратегическом положении*». На ней должны были храниться запасы топлива и боевые; иметься мастерские для исправления легких повреждений судов, баржи для известной части личного состава (вторая смена подводных лодок), т.е. все те наиболее необходимые плавучие средства, которые спроектированы Совещанием для обслуживания флотилии [Там же. Л. 8 об.–9].

За образец особого запаса орудий для быстрого вооружения «в минуту необходимости избранных пунктов» Совещание взяло особый запас, существовавший долгое время на Черном море, для возможности «укрепить желаемые пункты, когда это потребуются и в самый короткий промежуток времени». По мнению Совещания, такой запас орудий с боевыми комплектами и всеми необходимыми для их установки средствами и личным составом был бы очень полезен для укрепления не только известных пунктов побережья, но и самой реки, например близ устья р. Сунгари, впадающей в р. Амур. Мелководность

р. Сунгари не позволяла потенциальному противнику создать на ней в мирное время «что-нибудь особенно стойкое и сильное, и можно быть уверенным, что батареи с 6-дюймовыми орудиями и 48-линейными гаубицами очень затруднят вход в Амур небронированных судов противника». При этом, не указывая числа орудий, их калибра и не перечисляя других принадлежностей особого запаса, что могло быть выработано только специально назначенной для этого комиссией, по указаниям Командующего войсками Приамурского военного округа и на основании пожеланий, данных СГО, Совещание посчитало необходимым высказать свое мнение, что особый запас тоже «должен храниться на баржах, приспособленных для загрузки и выгрузки орудий и для житья на них обслуживающего его личного состава» [1. Л. 9–9 об.].

Для обороны устьев Амура и подходов к нему, а также для устройства в случае необходимости минных банок близ заливов Де-Кастри и Счастья в Охотском море должны были потребоваться для двух заградителей гальваноударные мины в количестве не менее 1 500 штук, а также мины других типов, «употребляемые сухопутным ведомством. Как тип таких мин, так и количество их можно определить только на месте, тем более, что в Николаевске есть уже минная рота с некоторым снабжением для минных заграждений реки», – констатировали в Особом Совещании.

Наименее проблемным вопросом было устройство наблюдательных пунктов: в бухте Мосолова, в заливе Де-Кастри, на мысах: Невельского, Муравьева, Лазарева, Пронге, Табах, Меньшикова, на Лангре, в Петровском, Невельске, на Операционной базе. Предполагалось также создать сеть по р. Амур. Что же касается организации наблюдательной и сторожевой службы, то ее должен был разработать начальник обороны нижнего Амура в зависимости от местных условий [Там же. Л. 9 об.].

Открытым остался вопрос о месте постройки флотилии, ведь отправление ее на Дальний Восток морем признавалось крайне нежелательным по политическим соображениям. Стоимость постройки на Амуре была очень велика вследствие отсутствия сталелитейных заводов и большой цены рабочего труда. Поэтому желательно отправить морем лишь то, что можно было полностью собрать только в Европейской России – орудия, станки, механизмы, котлы и т.д. Место для верфи могло быть выбрано на берегу р. Амур, между селением Верхним Тамбовским и г. Николаевск или в г. Хабаровск. «Первый район имеет ту выгоду, что с устройством щита и укрепленных пунктов, он будет защищен от внезапного захвата неприятелем и, стало быть, от разрушения верфи. Невыгода его заключается в отсутствии железной дороги, соединяющей его с Европейской Россией и, следовательно, с заводами, вследствие чего подвоз строительных материалов может производиться только на океанских пароходах в течение 4-летних месяцев навигации по Амуру. В остальное время года сообщение этого пункта с Хабаровском будет крайне затруднено, а во время распутицы и совсем прекращаться» [Там же. Л. 11 об.].

Верфь, устроенная в Хабаровске, наоборот, была связана с Европейской Россией круглый год: Китайской Восточной железной дорогой или через Владивосток морем. «Но постройки на ней, вследствие большого торгового оживления в Хабаровске, скрыты быть не могут, и, стало быть, будут находиться под непрерывным наблюдением Японцев. С другой стороны, Хабаровск может быть атакован с юга неприятелем, который для этой цели может воспользоваться Уссурийской железной дорогой. Чтобы избежать разрушения верфи и захвата материалов и судов, придется защищать Хабаровск с юга». Окончательного решения поэтому Совещанием принято не было, и они перешли к обсуждению очень деликатного вопроса об общих основах организации Амурской флотилии, поскольку «подробная организация флотилии нижнего Амура составляет задачу специальных учреждений и штабов». Сошлись на том, что во главе обороны нижнего Амура должен стоять начальник обороны, непосредственно подчиненный командующему войсками Приамурского военного округа. Ему, в свою очередь, следует подчинить «все средства сухопутной и подвижной обороны от устья Амура до Малмыжских укреплений», а также оборону побережья Татарского пролива. Потому он не должен занимать кроме этой «иной обязанности, которая привязывала бы его к известному месту на берегу и мешала бы, распоряжаясь обороной, находиться там, где его присутствие окажется полезным». Сама «Нижне-Амурская флотилия составляет определенный отряд судов, под командой флагмана или командующего под брейт-вымпелом, находится в распоряжении Начальника Обороны и подчинена ему в командном отношении, в хозяйственном же, техническом и строевом находится в ведении Морского Министерства», при этом обязанности и права начальника отдельного отряда определялись морским уставом. База, предназначенная для обслуживания отряда судов, должна была находиться в ведении капитана порта, «имеющего пребывание в главном Порте-базе. Обязанности и права Начальника Порта определяются существующими законоположениями. Он подчиняется Начальнику обороны, но по техническим и хозяйственным вопросам сносится с Морским Министерством и от него получает указания». Капитан порта-базы назначался и сменялся Высочайшими приказами по представлению морского министра. Подвижная база входила в состав отряда и находилась в распоряжении начальника отряда [1. Л. 12–12 об.].

Проект сухопутной обороны был разработан комиссией под председательством генерал-лейтенанта А.П. Вернандера в значительно более общем виде, причем главным образом из-за крайнего недостатка информации об обороняемой местности. Тем не менее он был одобрен большинством членов Особого Совещания. В общих соображениях, на основе которых решался вопрос о фортификационном строительстве, отмечалось, что для противодействия захвату устья р. Амур и «дельнейшего течения реки, как пути сообщения, без которого – по местным условиям – немислимы операции противника вообще в области нижнего течения Амура», действительно необходимо

использовать возможности как военного, так и морского ведомств. При этом Особое Собрание признало достаточным ограничить оборону «при посредстве сухопутных войск собственно течением реки и в этом смысле отказалось от обороны побережий Татарского пролива и Охотского моря, с целью воспрепятствовать противнику сделать высадку и двинуться к Амуру, имея в виду, что этот способ противодействия средствами военного ведомства вызвал бы постройку на побережье крепостей и укреплений значительных размеров, на значительном расстоянии друг от друга, с прочною связью между ними, что, в свою очередь, потребовало бы значительных живых сил, которыми мы не располагаем, и обусловило бы весьма серьезные денежные расходы. К тому же нет возможности оборонять войсками все места вероятных высадок на побережье; и хотя ныне указывается на два-три таких пункта, однако, вследствие недостаточного исследования побережья, нельзя поручиться за то, что на данной его линии не найдутся еще пункты, где возможны высадки и, следовательно, построенные крепости могли бы оказаться бесполезными» [1. Л. 12 об.–13]. Короче говоря, в Особом Собрании просто не имели точного представления о большей части береговой линии, а соответственно, собирались укреплять лишь то, что знали. Впрочем, в обороне всего побережья просто не было необходимости – природные условия края были такие, что без нормальных путей сообщения любая высадка противника на побережье Охотского моря не представляла опасности для империи, а дорог там тогда не было.

В то же время Собрание признало необходимым считать районом действий Амурской флотилии не только р. Амур, но и Татарский пролив, и это не противоречило идее обороны собственно р. Амур при посредстве сухопутных сил, ведь «Амурская флотилия, с особым артиллерийским запасом и проч., будучи способною, в смысле мореходности и снабжения самостоятельно действовать и по подступам к устью Амура, опираясь на Амур, как на главную базу, дополняет, как нельзя лучше, средства военного ведомства», тогда как одновременная оборона средствами военного ведомства и низовьев р. Амур, и побережья Татарского пролива с частью Охотского моря потребовали бы «чрезвычайных живых сил и денежных затрат». Между тем способность флотилии, опираясь на р. Амур, действовать по фарватерам пролива, забрасывать минами вероятные пункты высадок, ставить на побережье в минуты необходимости, орудия особого запаса и т.д. «до нельзя затруднит противнику движение его боевой флотилии, без которой он не может, в летнее время, предпринять никакой операции» [Там же. Л. 13].

Таким образом, фортификационное укрепление нижнего течения р. Амур как необходимой для противника коммуникационной линии должно было решить задачу закрытия реки для движения по ней от устья вверх, а назначение Амурской флотилии – своим огнем оказать «огромную поддержку средствам военного ведомства, преграждающим реку. Вообще, при таком взгляде на дело и при способности флотилии, благодаря ее мореходности, снабжению и проч., действовать вдоль фарватеров Татарского пролива, опира-

ясь только на Амур, возможно проектировать систему сухопутной обороны на совершенно твердых основаниях, в соответствии со всею обстановкою этого второстепенного театра военных действий» [Там же].

Поскольку для обороны собственно течения р. Амур в его низовьях могло быть выделено лишь незначительное количество пехоты и артиллерии, от общепринятых способов прямого противодействия операциям противника форсировать реку, как могущим дать неблагоприятный результат, пришлось отказаться. Более выгодным посчитали «принять для обороны такое расположение, при котором ее артиллерия, не ввязываясь в бой на дальних расстояниях с артиллерией неприятельских судов, могла бы, тем не менее, нанести им существенный вред, при стремлении пройти мимо занятых нами пунктов». Строительство так называемых кинжальных батарей, совершенно укрытых от дальнего неприятельского огня и способных, на самых близких расстояниях, верным огнем нанести врагу «почти смертельные поражения», признали оптимальным решением, при котором все прочие средства необходимо было направить к возможно продолжительному «сохранению этой обороны от всяких попыток противника» [1. Л. 13].

Численности полевых войск для нормального прикрытия этих батарей со стороны суши тоже не хватало, поэтому защиту признали возможным возложить, в каждом частном случае, «на вполне самостоятельный долговременный форт, с некоторым количеством крепостных пушек среднего калибра в броневых башнях, с надлежащим сообщением с рекою и проч.». Речная флотилия своим огнем по судам противника должна была оказать сухопутной обороне существенную поддержку.

Исходя из этого, укрепления решили строить у Николаевска, Софийска и в районе Малмыжа (недалеко от г. Хабаровск), т.е. там, где, с одной стороны, устье р. Амур было достаточно узким для того, чтобы можно было полностью перекрыть его огнем артиллерии кинжальных батарей, а с другой – имелись достаточно крупные населенные пункты, могущие представлять интерес для противника. «Отсутствие надлежащих топографических планов и инженерных съемок лишает возможности разработать соответствующие проекты для обороны низовьев реки Амура у Николаевска, Софийска и Малмыжа», – констатировалось в докладе на имя председателя СГО [Там же. Л. 13–13 об.], к которому были приложена карты (масштаб 40 верст в дюйме!) с указанием кружками приблизительного места расположения объектов на местности [Там же. Л. 17, 28]. Однако в общих чертах предстоящее военное строительство все-таки было намечено [Там же. Л. 13 об.].

Устье р. Амур у Николаевска нужно было укрепить «для воспрепятствования противнику войти в реку с необходимыми средствами для дальнейшего движения по Амуру». Кинжальную оборону реки там предполагалось организовать в две группы – «переднюю на высоте Чаныхрах – Таракановска, и заднюю на высоте мыса Алона, причем задняя группа признается главной, а средняя вспомогательной». В передней группе орудийные кинжальные батареи, вооруженные четырьмя 6-дюймовыми пушками Канэ, предполагалось расположить у мыса Ча-

ныррах, а устройство для мин Уайтхеда (т.е. торпедные аппараты) – прямо на отмели р. Амур, для действия в обе стороны. В задней группе орудийные кинжальные батареи, вооруженные шестью 6-дюймовыми пушками Канэ, предполагалось расположить у воды, в обрывистом скальном берегу р. Амура напротив Николаевска, а устройство для мин Уайтхеда – на мысе Алон, для действия в одну сторону.

На линии передней кинжальной группы предполагалось построить три долговременных форта, из них два – один у мыса Чаньыррах, и другой – у Таракановки «вполне самостоятельные и способные противопоставить неприятелю наибольшее противодействие», с гарнизонами: первый в батальон пехоты, а второй – в две роты пехоты. Форты предполагалось вооружить каждый шестью 6-дюймовыми пушками «новейших образцов в броневах башнях; должно быть обращено особое внимание на обеспечение сообщения фортов с рекою и проч.»; и третий форт, на одну роту пехоты, специально предназначенный для прикрытия минной обороны реки, расположить на отмели.

На линии задней главной кинжальной группы предполагалось расположить два долговременных форта, из них один – на возвышенном правом берегу р. Амур, «приспособленный для наиболее удобного и продолжительного сопротивления», с гарнизоном в один батальон пехоты, с шестью 6-дюймовыми пушками «новейшего образца в броневах башнях, с вполне обеспеченным сообщением с рекою и с кинжальными батареями»; и второй форт – на мысе Алон, на одну роту пехоты, специально предназначенный для прикрытия минной обороны реки [1. Л. 14].

Таким образом, г. Николаевск и его окрестности были бы взяты под огонь из 6-дюймовой артиллерии в броневах башнях, и на фортах – из 8-дюймовых мортир, числом до десяти, из имеющихся в Николаевске – «установленных специально для этой цели около кинжальных батарей главной группы» [Там же. Л. 14–14 об.]. На каждом форту предполагалось иметь припасов на один год и сообразно с этим и величиной гарнизона должно было быть рассчитано число казематированных построек. В докладе отмечалось, что при детальном проектировании форта должно быть обращено особое внимание на то, «чтобы путем технических средств и правильного расположения построек достигнуть возможно лучших условий жизни для гарнизона в военное время, вынужденного – быть может – продолжительное время пребывать в закрытых безопасных от огня помещениях» [Там же. Л. 14 об.].

Во главе гарнизона Николаевской группы укреплений, определявшегося в три батальона пехоты, должно было находиться одно лицо со званием коменданта; во главе гарнизона каждой из двух линий – свой начальник и старший из комендантов фортов линии, а во главе каждого форта – свой комендант. Форты и линии предполагалось связать между собой «подводным и подземным кабелем, всяческими средствами для оптического телеграфирования и проч., и сверх того, подобным же образом с другими укрепленными пунктами Амура», причем на безопасное сообщение форта с рекою устройство у берега реки пристани и т.п. «положено на каждый форт 400.000 руб.» [Там же].

Таким образом, трагический опыт Порт-Артура предполагалось учесть в максимальной степени уже на стадии проектирования амурских укреплений. Однако этому, еще при обсуждении вопроса в комиссии, воспротивился печально известный генерал-майор К.И. Величко, бывший в то время помощником начальника Главного военно-технического управления и постоянным членом Главного крепостного комитета [2. С. 214]. «Вундеркинд Главного Инженерного Управления», как его язвительно называли во Владивостокской крепости [3. Ч. II. С. 326], военный инженер, сделавший очень успешную карьеру в Петербурге, с 1886 г. преподаватель, а затем и профессор Николаевского инженерного училища и Николаевской инженерной академии [2. С. 214], любимец А.Н. Куропаткина, он отличался патологической склонностью к сокращению линии фортификационных обводов крепостей (Владивосток, Порт-Артур) в ущерб их обороноспособности, проектируя строительство фортов в более низких местах в виду господствующих высот, которые оставлял не занятыми к большой радости неприятеля. Это сыграло роковую роль в истории крепости Порт-Артур и создало невероятное количество проблем во Владивостоке, где господствующие высоты пришлось занимать полевыми укреплениями уже во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. [3. Ч. I. С. 155–201, 218–281; Ч. II. С. 326–349, 352–353].

Каким образом его оставили не только на действительной службе, но и на преподавательской работе после того, что произошло в Порт-Артуре, – до сих пор загадка. Тем более что вопреки распространенному заблуждению он не изменил своих взглядов даже после Русско-японской войны 1904–1905 гг., продолжая двигаться в своих проектах в прямо противоположную сторону от генерального направления эволюции фортификационных форм, т.е. вместо рассредоточения объектов фортификации на местности продолжал их концентрировать, причем все также в местах, максимально удобно расположенных для обстрела неприятельской артиллерией.

В своем особом мнении относительно обороны устья р. Амур у г. Николаевск он предложил «вместо изложенной системы обороны в две линии, построить малую крепость на правом берегу Амура и на левом берегу реки Зубаревки, на высоте мыса Алон, насупротив Николаевска, состоящую из 3-х – 4-х фортов, связанных между собою преградою в виде фланкируемых рвов». Комиссия, решившая большинством голосов укрепить устье Амура в две линии, пришла в ярость и «указала, что предлагаемые Генерал-Майором Величко три-четыре форта, расположенные в виду командующих высот, с преградою между ними, охватывают такое незначительное пространство, что оно все простреливается и находится под огнем противника. Только с переходом на правый берег Зубаревки получилось бы достаточное внутреннее и укрытое от взоров пространство (лощина р. Зубаревки), но при этом обвод очень незначителен и совершенно несоразмерен с возможными для настоящего случая живыми силами и средствами» [1. Л. 14 об.–15]. Особое Собрание, сверх того, признало, что без

оборонительной линии Чныррах–Таракановка будут затруднительны целесообразные действия Амурской флотилии. В результате мнение К.И. Величко было отвергнуто, однако описание всех предположенных им фортификационных несуразностей вошло в доклад не имя председателя СГО великого князя Николая Николаевича-младшего со всеми пояснениями комиссии. Более того, в докладе было сделано специальное примечание: «По вопросу об усилении Николаевска по окончании занятий комиссии Генерал-Лейтенанта (ныне инженер-генерала) Вернандера представлено дополнение к особому мнению Генерал-Майора Величко» [1. Л. 15]. Величко не выгнали с преподавания по военно-инженерному делу даже после этого!

К докладу о мероприятиях Военного министерства для обороны низовьев р. Амур был приложен расчет приблизительной стоимости постройки, вооружения и снабжения «долговременных сооружений для обороны устья Амура у Николаевска». По нему приблизительная стоимость всего запланированного исчислялась в 15 млн руб., в том числе: постройка кинжальных батарей на двенадцать 6-дюймовых пушек Канэ – 480 тыс. руб., постройка трех сухопутных фортов – 10 млн руб., постройка 2 речных фортов для минной обороны – 1 млн руб., к ним 9 аппаратов с комплектом мин Уайтхеда – 250 тыс. руб., артиллерийское вооружение с боевыми комплектами (12 пушек Канэ, 18 пушек 6-дюймовых новейшего образца, 36 противотанковых орудий, 48 фланкирующих рвы орудий и 30 пулеметов) – 3 млн руб., постройка зданий на 1 ½ батальона пехотного гарнизона для жительства в мирное время вне фортов – 250 тыс. руб., всего около 15 млн руб. [Там же].

Софийск должен был быть укреплен как «пункт господствующий над сухопутными и водными сообщениями, между побережьем Татарского пролива и рекою Амуром и как точка опоры и промежуточный склад для нашей флотилии, призванной действовать не только по реке Амуру, но и по системе протоков, озер, расположенных в окрестностях Софийска и способных облегчить противнику перебросить свои мелкие лодки и иные боевые средства с побережья на Амур». Считалось, что, опираясь на Софийск, Амурская речная флотилия сможет с успехом противодействовать таким покушениям противника.

«Только отсутствие подробных карт, – констатировалось в докладе, – лишает возможности наметить здесь оборону хотя бы с некоторой долей полноты. Приходится ограничиться предположением, что здесь возможно образовать кинжальную оборону реки, с прикрытием ее одним вполне самостоятельным фортом, при гарнизоне – один батальон пехоты» при шести 6-дюймовых новейших пушках в броневых башнях и т.п., с затратами на все до 5 млн руб. [Там же. Л. 15 об.].

Малмыжу, прикрывающему г. Хабаровск с тыла, на случай овладения противником всем нижним течением р. Амур придавалось «особенно важное значение. Но так как при наличности долговременной обороны у Николаевска и Софийска есть полное основание рассчитывать на достаточное время после начала военных действий, для соответствующего временного

обеспечения реки у Малмыжа, то признается возможным и достаточным заблаговременно устроить только кинжальную оборону реки и построить здания для жительства гарнизона», на что потребуется до 500 тыс. руб.

Что же касается остальных фортификационных сооружений, то, принимая во внимание обстановку, «конструкции их предполагается дать характер временных построек», а возведение их в мирное время было признано излишним; «необходимо только иметь заранее выработанные проекты укреплений, дорог, вырубок лесов, установки средств для телеграфирования и проч., которые будут приведены в исполнение с началом войны» [1. Л. 15–15 об.].

Таким образом, намеченные военным ведомством мероприятия для обороны низовьев р. Амур требовали постоянных гарнизонов в 3 батальона пехоты для укрепления Николаевской группы, при суммарных денежных затратах до 20 500 000 руб. [Там же. Л. 16].

Отсутствие в Приамурском военном округе достаточного, в сравнении с силами потенциального противника, количества полевых войск так и осталось неразрешенной проблемой на протяжении всего периода его существования в 1884–1914 гг. [4. С. 3–10; 5. С. 416–477; 6]. Это оказало существенное влияние как на разработку концепции обороны всей территории российского Дальнего Востока в целом, так и на обсуждение плана защиты низовьев и устья р. Амур в частности. «Предполагается, что при современном положении наших сил на Дальнем Востоке, нельзя рассчитывать на выделение для обороны низовьев р. Амура более 9–10 батальонов пехоты, как это имело место в минувшую Русско-Японскую войну, и принимая во внимание, что из этих войск четыре батальона составят, как сказано выше, гарнизон укреплений Николаевска и Софийска, остается у командующего отрядом в низовье Амура 5–6 батальонов пехоты, не привязанных к укрепленным пунктам и способных, при посредстве судов, нести на реке и ее берегах разнообразную службу по разведкам, по устранению попыток мелких неприятельских отрядов утвердиться на берегах реки и проч.» [1. Л. 16]. В случае осуществления в полной мере задуманного плана и этих сил было бы более чем достаточно для обороны Амура, однако полномасштабной реализации комплексный проект так и не увидел.

Главной и, пожалуй, единственной проблемой была цена – общая стоимость защиты устья и низовьев р. Амур составила 61 440 000 руб., из которых мероприятия по организации подвижной обороны обошлись бы в 40 860 000 руб., а по устройству укрепленных пунктов – 20 580 000 руб.! Даже в случае уменьшенной флотилии эта сумма снижалась только до 45 580 000 руб. [Там же]. Такие деньги в бюджете Российской империи найти было крайне сложно.

Создается впечатление, что в Особом Совещании это прекрасно понимали, поскольку «заключение» в докладе представляет собой, скорее, крик отчаяния, чем раздел официального документа: «Пятьдесят лет тому назад отважный Капитан Лейтенант Невельской, с риском поплатиться за это жизнью, водрузил Русский флаг в устьях Амура. Когда за самовольный и

дерзкий поступок он был приговорен к разжалованию, а самый пост предписано было упразднить, Император НИКОЛАЙ I, рассмотревши дело, признал поступок Невельского молодецким, благородным и патриотичным, наградил его орденом Св. Владимира 4-й степени, а на постановление Комитета сказал: «Где раз поднят Русский флаг, – он уже спускаться не должен». Пятьдесят лет край был заброшен и о нем заботились только в той мере, в какой было необходимо, чтобы показать, что он еще наш. Прошлая война выдвинула его значение, а будущая – грозит отторжением его от России и неисполнением Высочайшего завета. Грустно и тяжело будет нам сознавать впоследствии, что мы могли его потерять только благодаря своему нерадению и нежеланию принять те меры, которые, будучи своевременно исполненными, делали для Японии захват нашей Дальней Краины невозможным» [1. Л. 16 об.].

Добравшийся в 1909 г. до Приамурского генерал-губернаторства министр финансов В.Н. Коковцов, сумевший под давлением тогдашнего генерал-губернатора и командующего войсками округа П.Ф. Унтеребергера лично ознакомиться с проблемой обороны устья р. Амур [7. С. 352–353], был в своем докладе Николаю II от 17 ноября 1909 г. тоже настроен достаточно скептически: «Что касается нижнего Амура, то Вашему Императорскому Величеству известно, что организация обороны его сопряжена с расходом 45 миллионов рублей, при чем этою суммою, вероятно, не будут исчерпаны все необходимые на этот предмет затраты. Отнюдь не позволяя себе входить в чужую мне область военных соображений, я позволю себе однако высказать, что эти затраты следовало бы, по крайней мере, отложить на последнюю очередь. Трудно представить себе, чтобы Япония, желая вторгнуться в пределы России, избрала для этого путь через устье Амура и огромную пустынную территорию, лежащую вверх от Николаевска, и начала военные действия на таком отдаленном и невыгодном для наступавшего театре войны. Для этого у нее есть более близкие и удобные объекты нападения в виде Владивостока, Уссурийского края, линии Китайско-Восточной железной дороги и даже границы Забайкалья» [8. Л. 37]. В чем-то он был даже прав, но, по сути, именно из-за таких рассуждений в империи к 1904 г. начисто отсутствовала система обороны о. Сахалин, «огромную пустынную территорию» которого, составлявшую южную половину острова, страна в результате Русско-японской войны 1904–1905 гг. потеряла. Коковцов настаивал, что «разбрасывая наши средства на оборону, стремясь оградить себя и по всему течению Амура и со стороны Владивостока, мы только можем упустить из-за второстепенного главное и явиться неподготовленными и даже беззащитными именно там, где будут решаться судьбы нашего Дальнего Востока. Я считаю поэтому своим долгом доложить Вашему Императорскому Величеству, что в отношении морской обороны наши усилия должны быть сосредоточены именно на обороне Владивостока» [Там же. Л. 37 об.]. Впрочем, это не мешало ему всячески тормозить строительство уже этой крепости, хотя до 1910 г. Военное министерство

и без него прекрасно справлялось с этой задачей, топя решение проблемы в бесконечных обсуждениях [3. Ч. II. С. 35–46, 101–107; Ч. III. С. 35–37].

Для характеристики личности В.Н. Коковцова показательно, что в отличие от отчета в своих воспоминаниях, рассказывая об ознакомлении с Амурской флотилией и посещении урочища Новокиевского, он писал: «Пользы из этих экскурсий я никакой не извлек, только сократил время своего пребывания в Харбине, заставляя потом и себя, и других работать по ночам» [7. С. 352–353].

В результате, из всего задуманного проекта, который впоследствии неоднократно пересматривался и корректировался (каждый раз в сторону сокращения и удешевления), в наибольшей степени удалось воплотить в жизнь план организации подвижной обороны. Амурская речная флотилия была создана еще до начала Первой мировой войны и существует по настоящее время. История ее исследована сравнительно хорошо, причем как на уровне отдельных кораблей, так и флотилии в целом [9. С. 117–120; 10; 11. С. 77–88; 12. С. 405–466]. В то же время по причине нехватки финансовых средств и вспомогательного характера театра военных действий, дискуссии по «неподвижной обороне» продолжались даже в 1911 г., когда часть кораблей Амурской флотилии уже была спущена на воду.

Интереснейшее и совершенно неизвестное историкам описание состояния обороны р. Амур и дискуссий по этой проблеме оставил лично генерал-адъютант генерал от кавалерии В.А. Сухомлинов. Дело в том, что военный министр Российской империи в 1909–1915 гг. трижды посетил Приамурский военный округ – в 1910, 1911 и 1914 гг. [3. Ч. II. С. 105–106, 191–198; 7. С. 324–327, 360–362; 13. С. 260–261; 14. Л. 1]. Наибольший интерес представляет визит 1911 г.

24 апреля 1911 г. командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант П.А. Лечицкий отправился на поезде его встречать [15, 16]. Поездка военного министра продолжалась с 16 апреля по 25 мая 1911 г. Официальная цель – осмотр крепостей Владивостока и Николаевска-на-Амуре, войсковых частей, учреждений и казарменных сооружений [13. С. 41]. В реальности же, кроме неблагоприятных особенностей деятельности Окружных Интендантского и Инженерного управлений Приамурского военного округа, выявленных ревизией сенатора А.А. Глищинского в 1910 г. [17. Л. 1–170; 18. Л. 1–34, 57–133, 154–474], было несколько причин, заставивших военного министра во второй раз отправиться на Дальний Восток.

Во-первых, в войсках происходили крупнейшие за последнее время преобразования, целью которых было восстановление боевой готовности армии после Русско-японской войны 1904–1905 гг. и Первой русской революции 1905–1907 гг. Войска Приамурского военного округа, как наиболее близкие к театру последней войны и принявшие в ней наиболее активное участие, находились не в самом лучшем состоянии и подверглись существенным преобразованиям.

Во-вторых, инцидент 1909 г. со строительством укреплений крепости Владивосток настоятельно тре-

бовал очередной проверки как хода производимых работ, так и их материального и финансового обеспечения. В-третьих, проблема обороны низовьев и устья р. Амур требовала ознакомления на месте.

На этот раз В.А. Сухомлинов посетил гарнизоны Владивостока, Никольска-Уссурийского, Раздольного, Спасского, Имана, Хабаровска и Николаевска. Всего им были осмотрены: из 117 батальонов – 98,7 отдельных рот, 6 эскадронов Приморского драгунского полка, 2 из 11 казачьих сотен и 376 полевых орудий из 420 имеющихся [14. Л. 4, 17]. «Офицеры и нижние чины произвели на меня прекрасное впечатление, – вид людей бодрый, здоровый, смотрят хорошо, смело в глаза; объявляемое мною Царское Спасибо ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и Царский Привет приводили их в неопишуемый восторг», – резюмировал в своем «Всепоподданнейшем докладе...» военный министр [Там же].

Путь от Хабаровска до Николаевска, а затем обратно В.А. Сухомлинов вместе со всеми сопровождающими прошел по Амуру на башенной канонерской лодке «Тайфун» (950 т, два 6-дюймовых орудия, четыре 120-мм орудия) под флагом начальника Амурской речной флотилии контр-адмирала К.В. Бергеля в сопровождении канонерской лодки «Смерч» (того же типа), двух канонерских лодок меньшего водоизмещения (244 т) «Корел» и «Зырянин», двух разведывательных катеров «Сабля» и «Пистолет» (по 23,5 т) и портового парохода «Сильный». Поход был выполнен за 8 дней пройдено 1 800 верст, причем флотилия изготавилась к нему (первому после зимней стоянки) за несколько дней по экстренному приказанию. Путешествием военный министр явно остался доволен. «Поход этот представлял для меня большой интерес, – докладывал он Николаю II, – с одной стороны, чтобы составить себе ясное представление о боевой силе созданного на Амуре речного флота, умению личного состава приспособиться к плаванью по извилистым речным фарватерам днем и ночью, при условии существующей весьма примитивной обстановки фарватера, а с другой стороны – ознакомиться с работой на канонерских лодках двигателей внутреннего сгорания, все более и более вытесняющих паровые двигатели и имеющих, по моему мнению, огромное будущее, именно, для нашего русского боевого флота. Считаю долгом справедливости отметить, что, несмотря на короткое время подготовки к неожиданно продолжительному походу, канонерские лодки, насколько позволяли средства базы флотилии, были вполне к походу изготовлены, как это и подтвердилось во время пути». Подметил он и то, что хотя на лодках во время похода и были местные лоцманы, но «лоцман лишь в крайних случаях вводил свой корректив, – почти все время вели лодку командир и его помощники, следя за установкой и по карте» [Там же. Л. 17]. Таким образом, несмотря на небольшой срок существования флотилии и сложности фарватера, командиры свое дело уже знали.

Добравшись до Николаевска он увидел, что крепостные работы начаты «лишь на левом берегу Амура, в Чнырах на Преображенской горе, где возводится форт, среди старых крепостных построек, оставшихся

пока при старом же вооружении». Ознакомившись с условиями г. Николаевск и окружающею его местностью, а также с проектами предполагаемых укреплений, он нашел их «не вполне отвечающими действительному назначению этой крепости. В течение слишком короткого времени (3–4 месяцев) возможны военные действия в устьях Амура, для того, чтобы противник мог предпринять здесь какую-либо крупную операцию. Единственною, поэтому, целью его может быть только пройти в Амур на легких судах, чтобы очутиться у нас в тылу. Наша задача, соответственно этому, и сводится к воспрепятствованию свободному его проникновению в устье Амура. Проектирована постройка главных укреплений на горе Ови, на правом берегу реки, с обводом в 10 или 12 верст и на гарнизон не менее 2 батальонов. Укреплению на Чнырах не придается большого значения, так как оно лежит значительно ниже Ови. Между тем, в туманную погоду, что составляет там обычное явление, именно с Ови прежде всего ничего не видно. В ясную погоду, при появлении неприятельского флота в Татарском проливе, Ови – прекрасный наблюдательный пункт и место для батареи, которая будет иметь возможность открыть огонь на 15–18 верст. Но зато в туман, когда Ови заволочут облака, стрелять по приближающимся к устью Амура судам можно будет только с кинжальных Чнырахских батарей. На левом же берегу необходимо укрепить позицию, преграждающую доступ к Николаевску, на случай десанта» [14. Л. 16].

Поскольку В.А. Сухомлинова сопровождало почти все начальство Приамурского военного округа (командующий войсками округа генерал-лейтенант П.А. Лечицкий, начальник штаба округа генерал-лейтенант С.С. Саввич, начальник инженеров генерал-майор П.П. Поморский и начальник артиллерии генерал-лейтенант Д.Д. Крылов), то эти соображения обсудили прямо на месте, в совещании под председательством военного министра [Там же. Л. 16–17]. В результате в отношении «неподвижной обороны» были приняты решения, очень далекие от того масштабного проекта, который предлагался Особым Совещанием при СГО в 1906 г.: «1. на Ови возвести батарею, с орудиями крупного калибра, и проектировать укрепление на две роты, для обеспечения орудий и этого наблюдательного пункта от атаки открытой силой; 2. на Чнырах создать укрепленную позицию с батареями для обстреливания фарватера; 3. с объявлением войны установить минное заграждение под обстрелом с Чнырахских батарей, и 4. в мирное время разместить войска: штаб и два батальона 40-го стрелкового полка в Николаевске и два батальона в Чнырах. Там же иметь артиллерийские, инженерные войска и лазарет.

На левом берегу имеется впереди Чныраха гора Прауль, тактическими своими свойствами отвечающая горе Ови на правом берегу. Батареи на ней, на случай появления неприятельской эскадры со стороны Охотского моря, – в Сахалинском заливе, – могли бы играть ту же роль, что и укрепления на Ови. Но при тех средствах и том гарнизоне, которые могут быть уделены на Николаевск, развивать укрепление в этом направлении – нет возможности. Имея же в запа-

се орудия крупного калибра и проложив удобный путь на гору Прауль от Чныраха, можно будет, – если то понадобится, поставить на ней батарею и устроить наблюдательный пункт, с началом кампании» [14. Л. 16].

Эти соображения были вставлены В.А. Сухомлиновым во всеподданнейший доклад о проведенной поездке, с указанием, что «Если ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно будет проект этот одобрить, то после детальной его разработки на месте, – в зависимости от имеющихся кредитов, – приступлено будет к работам» [Там же].

7 и 8 мая он ознакомился и с гарнизоном Николаевской крепости. Причем «не подлежащий оглашению» приказ командующего войсками округа П.А. Лечицкого с разбором результатов этого знакомства был отдан им прямо с канонерской лодки «Тайфун» во время совместного путешествия с военным министром. Характерно, что впечатления последнего от увиденного, изложенные во всеподданнейшем докладе и командующего войсками округа, в приказе оказались, мягко говоря, несколько различными. При осмотре В.А. Сухомлиновым некоторых частей гарнизона крепости от идеала был далеким даже почетный караул, который был выставлен от 14 роты 40-го Сибирского стрелкового полка (капитан В.Ф. Станкевич). «Вид роты – недостаточно строевой, выправка слабая, многие неправильно поворачивают головы, на приветствие отвечали вяло. При прохождении церемониальным маршем – шаг очень суетливый, отчего плохо держали такт и плохо равнялись». 7 мая В.А. Сухомлинов посетил чайную, церковь и казарму 16-й роты того же полка, швальню музыкантской команды и команды службы связи, констатировав, что «казармы содержатся не достаточно чисто и люди размещены тесно». На следующий день он посетил некоторые казармы и помещения на мысе Чныррах: «Части войск (1-й батальон 40-го Сиб. стр. полка, крепостные артиллерийские роты и крепостные инженерные части) выстроены вдоль дороги. Вид имели все – мало воинский, выправки никакой, стойка – неправильная, на приветствие отвечали вяло». Бросалось в глаза, что «из числа нижних чинов, в особенности артиллерии, было много худых и бледных. В 1-й роте Николаевской крепостной артиллерии (капитан Н.К. Стуканов) где министр пробовал пищу, суп с макаронами оказался «жидким и безвкусным, причем в раскладке нет никаких овощей; хлеб и каша – хороши». В результате П.А. Лечицкий приказал «коменданту крепости Генерал-Майору Подгурскому обратить внимание на слабую строевую подготовку всех частей гарнизона крепости, расследовать, почему среди нижних чинов артиллерии попадает так много бледных и худых лиц и выяснить причины неудовлетворительной пищи. О принятых мерах донести» [16].

Примечательно, что во «Всеподданнейшем докладе Военного министра о поездке его на Дальний Восток в Апреле и Мае 1911 года» об этих недостатках не сказано ни единого слова! Совпадает лишь факт, констатированный Лечицким: «При объезде округа Военный Министр объявил войскам гарнизонов Владивостокской крепости, Раздольнинскому, Никольско-Уссурийскому, Спасскому, Иманскому, Хабаровско-

му и Николаевской крепости ВЫСОЧАЙШУЮ благодарность за честную службу и передал войскам приветствие ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА. Уверен, что войска округа приложат все усилия, чтобы своею дальнейшею отличною службою оправдать такую ВЫСОЧАЙШУЮ милость нашего ВЕРХОВНОГО ВОЖДЯ» [14. Л. 1–37; 16].

С Амурской речной флотилией, создаваемой хотя и под контролем Особого Комитета из представителей нескольких ведомств (морского, военного, финансов и Государственного Контроля), но *de facto* Морским министерством и на его средства дела обстояли заметно лучше. К приезду В.А. Сухомлинова она уже состояла из:

1. 8 канонерских лодок, по 950 тонн водоизмещения, бронированных против огня полевой артиллерии, с осадкой в 4 фута 6 дюймов, со скоростью 11 узлов и вооружением: по 2 – 6 дм. пушки в 50 калибров (орудия помещены в 2-х башнях); 4 – 120 мм. пушки в 50 калибров (помещены в 2-х башнях, по две пушки) и 7 пулеметов.

2. 7 канонерских лодок, бронированных против ружейного огня, каждая 244 тонны водоизмещения, с осадкой 2 фута 8 дюймов, со скоростью 10 $\frac{1}{4}$ узлов и вооружением: по 2 – 120 мм. пушки, 1 – 48 линейной гаубицы и 4 пулеметов.

3. 3-х канонерских небронированных лодок, каждая в 193 тонны водоизмещения, с осадкой в 2 фута, скоростью 11 $\frac{1}{2}$, узлов и вооружением: по 2 – 75 мм. пушки и 4 пулемета.

4. 9 разведочных катеров, водоизмещением каждый в 23,5 тонны, со скоростью 16 узлов и вооружением: 1 – 3 дм. горная пушка и 1 пулемет.

Кроме того, для обслуживания флотилии приобретено необходимое число буксирных пароходов, плавающий док, разные баржи и проч.

База флотилии создается в Осиповском затоне, в 10 вер. от Хабаровска» [14. Л. 21–22].

Задачи флотилии во время войны сводились к подготовке и содействию сухопутным войскам для совершения ими переправ через р. Амур; содействию сухопутным войскам при перевозке десанта; совместным с сухопутными войсками боевым действиям; охране р. Амур как пути сообщения (коммуникации); охране и организации службы связи; действиям против неприятельских флотилий и войск; закрытию доступа в р. Амур из р. Сунгари; защите Хабаровска со стороны устья р. Амур; совместным действиям с Николаевской крепостью для преграждения входа в р. Амур. В мирное время флотилия должна была «служить угрозой для беспокойной части китайского населения (шайки хунхузов и проч.), обеспечивая тем весьма важное в государственном отношении мирное строительство переселенцев, широкой волной направляющихся в последнее время на Дальний Восток» [14. Л. 22]. После окончания постройки Амурской железной дороги, флотилия не теряла своего значения, поскольку р. Амур и в этом случае оставалась важнейшим путем для перевозки в мирное время грузов громоздких и не требующих быстрой доставки. В военное же время р. Амур была альтернативным путем перевозки грузов, могущим, хотя бы отчасти,

разгрузить Амурскую железную дорогу. Причем обеспечение безопасности самой дороги от потенциальной атаки противника, перешедшего через реку, тоже обеспечивалось флотилией, так как фортификационных сооружений на Амуре со стороны Маньчжурии не было. «Таким образом, в вопросах обороны Дальнего Востока, на Амурскую военную флотилию возлагаются серьезнейшие задачи сохранения коммуникационной связи дальневосточной окраины с остальной частью Империи и защита Хабаровска и Благовещенска. Успешное выполнение флотилией ее задач существенным образом отзовется на благополучном исходе военных операций, в случае войны на Дальнем Востоке», – констатировал военный министр [14. Л. 22].

Впрочем, и здесь ситуация была еще очень далека от идеала практически во всем. Так, Сухомлинов не без удивления обнаружил, что «хотя на судах флотилии имеются для боевых целей гаубицы, горные пушки и пулеметы, но боевого значения пока они не имеют. К ним нет снарядов и патронов. Ведутся лишь переговоры между Морским и Военным ведомством о снабжении последним этих пушек флотилии боевыми припасами. Но переговоры еще не кончились, и пушки остаются без зарядов» [Там же. Л. 21].

Процесс подготовки лодок к походу, который военному министру удалось наблюдать лично, напоминал трагикомедию. Вследствие заграждения от ледохода дамбой Осиповской протоки течение в ней остановилось и Осиповский затон, где находилась база флотилии, стал сильно заноситься «песком, грязью, сором» и начал мелеть. В результате, докладывая Николаю II военный министр, «канонерки, изготовившиеся для плавания со мною, пришлось заблаговременно вывести из затона, вследствие опасения, что они обмелеют и не будут в состоянии выйти. Это, между прочим, очень затруднило их изготовление к походу». Дальше – больше. Флотилия с 1910 г. располагала плавучим доком, который выдержал испытание и мог поднять или одну башенную лодку (950 т), или две Сормовские (по 244 т), однако он не был «снабжен ни якорями, ни цепными для них канатами. Стоит он пока временно на якорях и цепях, взятых заимобразно с башенных лодок. Когда лодкам предстоит идти в плавание, им приходится брать свои цепи и якоря с дока и заменять таковыми с судов, не идущих в плавание. Иначе док будет выброшен на берег и разбит». В свою очередь, башенные лодки должны были быть снабжены моторными катерами и гребными вельботами, «но пока имеют лишь по одной шестерке. Идя в поход, приходится добавлять шлюпки с других судов. Возвращаясь надо их отдавать и давать взаимы свои. Тоже порядок неудобный и стеснительный» [14. Л. 20].

Более того, запаса нормального топлива для канонерских лодок – нефти, на базе не оказалось, так что начальник флотилии, чтобы выполнить намеченный военным министром «поход, решил идти на керосине, чем в значительной степени усложнилась работа при механизмах, рассчитанных на нефть», что при некомплекте экипажа на лодках было делом непростым. Штаты судового состава тоже еще утвердить не успе-

ли, «команды не в полном комплекте, офицеров лишь немногим более половины; многие суда еще без командиров и нет даже начальника второго отряда канонерок, находящихся в Благовещенске, т.е. за 950 верст от остальной флотилии. Двумя канонерками за неимением командиров командуют временно чины штаба флотилии, что отвлекает их от прямых обязанностей. Все находится во временном положении и флотилия, только что созданная, начнет при таких условиях разваливаться» [14. Л. 17–19].

Назвать Осиповский затон базой в то время можно было только с очень большой натяжкой. Железнодорожной ветки от Хабаровска до затона тогда не было, и все грузы для флотилии (около 1 млн пудов в год) приходилось возить от г. Хабаровск «на телегах или санях, летом на баржах. Является лишняя перегрузка, замедление, порча грузов и дороговизна. К началу навигации грузы топлива и боевых припасов не успевают и это вредно отражается на боевой готовности флотилии. Жизненных неудобств, вследствие отсутствия ветки, также много: дети лишены возможности посещать школы, больные – лечиться и пр.». Шоссе при этом тоже не было, поскольку «оно начато уже три года тому назад и все еще не может быть окончено. Это шоссе должно быть доведено до мастерских флотилии с одной стороны, и до мощеных улиц города, с другой стороны» [Там же. Л. 19]. Оборудованных складов топлива для флотилии не было ни в Хабаровске, ни в Благовещенске.

«Флотилии негде хранить своих боевых припасов зимой. Проекты пороховых и бомбовых погребов имеются, но самих погребов нет. Боевые припасы хранятся поэтому зимой или на судах и баржах, или во временных деревянных сараях, построенных в кредит флотилией, за неимением абсолютно никакого для припасов помещения. Насущнейшая нужда – построить поскорее помещения для боевых припасов». Таким же образом флотилия «лишена складов для прочего судового и заводского имущества. Есть на все лишь проекты, а имущество портится и хранить его негде». База флотилии и сама флотилия не имели хорошей пресной воды, так как с заграждением дамбой Осиповской протоки вода в созданном таким образом затоне из прежней протоки стала стоячей и грязной. «Пить ее без вреда для здоровья нельзя, что уже доказано. Казарменная комиссия уже три года ведет пробное бурение, но оно еще никаких результатов не дало. Пройдено лишь 42 сажени из назначенных 120. Остальные 78 сажен потребуют вероятно еще 3–4 года по меньшей мере. Между тем, нужна вода для питья, еды, мытья и прочих нужд, а на базе, где казармы все сплошь деревянные, – и для тушения пожаров... Не имея воды, флотилия не имеет на берегу и пожарного обоза, чтобы возить воду из реки», и это притом, что здания и мастерская были «деревянные, скученные, много досок, дров и материалов сложено кругом, а в окружающей степи – все время степные пожары (палы), и при этом почти постоянные сильные ветра. Уже много пожаров приходилось тушить почти без средств, или свозя судовые брандспойты, если суда находились близко. На базе же, отстоящей от затона (стоянки флотилии) в 1 ½ верст и соединенной с рекою плохой дорогой, тушить пожары еще труднее» [14. Л. 19–20].

Катастрофа была и с казармами, поскольку работы казарменной комиссии в 1910 и 1911 гг. так запоздали, что при наличии в Амурской флотилии уже 150 офицеров и кондукторов и их семейств, «квартир для них к зиме сего года будет лишь 51, т.е. одна треть. Казарм для нижних чинов не хватает на 800 человек». Сухомлинов распорядился приспособить занятые уже под казармы для нижних чинов флотилии три больших барака рабочих Балтийского завода, собиравших в затоне канонерские лодки – «устроить там комнаты для дежурных офицеров и кондукторов, особое помещение для караула и его начальника, карцера и общие и одиночные, ротные цейхгаузы, канцелярии, ружейные пирамиды и проч. В виду неотложной во всем этом надобности к зиме, часть этого уже сделана, равно улучшен лазарет, устроена прачечная при бане, устроены кабинеты в Штабе для чинов Штаба и Начальника флотилии, устроена при Штабе квартира в 2 комнаты для Начальника Штаба, квартиры коему еще нет, и проч. Средств же на все это еще не отпущено, все сделано пока в кредит... Как временную меру, чтобы помочь недостатку квартир и казарм, необходимо закончить скорее к зиме шоссе, дабы часть офицеров, пока им не готовы квартиры, могла жить зимой в городе и приезжать на службу на базу. Для нижних же чинов необходимо закончить столовую на 800 человек и приспособить ее пока под казарму, а две имеющиеся казармы, на 62 чел. каждая, временно приспособить для 20 кондукторов и их семейств» [Там же. Л. 20].

В довершение всего, над базой флотилии навис дамоклов меч энергетической катастрофы, ибо «все мастерские флотилии получают энергию от единственной динамо-машины, оставшейся после Балтийского завода, строившего на месте нынешней базы флотилии башенные лодки. Эта динамо-машина уже два года беспрерывно работает днем для станков ма-

стерских, а ночью для освещения завода и поселка. Если она испортится, а это уже бывало, останавливается работа для флотилии. Обыкновенно на станциях электрической энергии имеются по 2–3 запасных машины, кроме действующей», но в Осиповском затоне о такой роскоши не могли и мечтать [Там же].

Таким образом, из комплексного проекта обороны низовьев и устья р. Амур, разработанного в Особом Совещании при СГО, к 1911 г. удалось реализовать только план по созданию Амурской речной флотилии, и то в сильно урезанном по финансовым соображениям варианте. Создание сухопутной обороны тормозилось не только отсутствием финансирования, но и пробелами в знании географии региона и дискусионностью ряда вопросов фортификационного строительства, с чем и столкнулся военный министр В.А. Сухомлинов во время своего визита в Николаевскую крепость в мае 1911 г. На проведенном в его присутствии совещании высшего начальства Приамурского военного округа, план «неподвижной обороны» был в очередной раз скорректирован, а его вялая реализация продолжалась впоследствии до лета 1914 г., т.е. до начала Первой мировой войны, и шла параллельно с процессом усиленного военно-топографического исследования района нижнего Амура. Эти данные пригодились уже в советское время, на новом этапе оборонительного строительства. Именно поэтому, несмотря на тяжелые просчеты в организации необходимой инфраструктуры, Амурская флотилия, уже существовавшая к моменту прибытия В.А. Сухомлинова, и стала основой обороны р. Амур. Идея «подвижной обороны» пограничной реки оказалась настолько удачной, что флотилия не только приняла активное участие во Второй мировой войне, во время Маньчжурской операции 1945 г., но и продолжает свою службу в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 457.
2. Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. Пг. : Военная типография, 1914. 980 с.
3. Авиллов П.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Владивосток : Дальнаука, 2013–2016. Ч. I–IV.
4. Авиллов П.С. Приамурский военный округ (1884–1918 гг.): страницы истории // Военно-исторический журнал. 2015. № 11.
5. Авиллов П.С. Военные реформы в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны (1910 – лето 1914 г.) // Русский Сборник: Исследования по истории России. М. : Модест Колеров, 2016. Т. XIX.
6. Авиллов П.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2013. 243 с.
7. Коковцов В.Н. Из моего прошлого (1903–1919): Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2004. 896 с.
8. Всеподданнейший доклад министра финансов по поездке на Дальний Восток осенью 1909 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 303.
9. Цветков И.Ф. История отечественного судостроения : в 5 т. Т. 3: Судостроение в первой четверти XX в. (1906–1925). СПб. : Судостроение, 1995. 560 с.
10. Черников И.И. Речные дредноуты. Мониторы типа «Шквал». М. : Яуза ; СПб. : Гангут, 2012. 96 с.
11. Черников И.И. Русские речные флотилии за 1 000 лет (907–1917 гг.) / под ред. В.Н. Щербачева. СПб. : Б.С.К., 1999. 122 с.
12. Черников И.И. Энциклопедия мониторов. Защитники речных границ России. СПб. : Судостроение, 2007. 696 с.
13. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2005. 624 с.
14. Всеподданнейший доклад Военного министра о поездке его на Дальний Восток в апреле и мае 1911 года. Б.м., б.г. // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 474.
15. Приказ войскам Приамурского военного округа № 196 от 24 апреля 1911 г. // Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). НСБ. Ед. хр. 1557.
16. Приказ войскам Приамурского военного округа № 218 от 11 мая 1911 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1557.
17. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году, по Высочайшему повелению, сенатором Глищинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Интендантское ведомство. Т. 2: Приамурское окружное интендантство. СПб. : Государственная типография, 1911 // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 404. Ч. 3.
18. Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году, по Высочайшему повелению, сенатором Глищинским ревизии учреждений и установлений военного ведомства Иркутского и Приамурского военных округов. Военно-инженерное ведомство и войсковые строительные комиссии. СПб. : Государственная типография, 1911 // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 404. Ч. 5.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 января 2017 г.

PROBLEMS OF THE DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE DEFENCE PROJECT OF THE LOWER AMUR AND ITS MOUTH IN 1906–1914. PART II. THE DECISION OF THE SPECIAL CONSULTATION OF THE STATE DEFENCE COUNCIL AND PROBLEMS WITH ITS IMPLEMENTATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 416, 36–48.

DOI: 10.17223/15617793/416/6

Roman S. Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation); Scientific Library of Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: avilov-1987@mail.ru

Keywords: Russian Far East; Priamurskiy Military District; Amur River; Nikolayevsk-on-Amur Fortress; State Defence Council; Russo-Japanese War of 1904–1905; I.M. Dikov; A.P. Vernander.

This paper continues to present the results of a study devoted to the elaboration and discussion the complex defence project of the Lower Amur and its mouth, prepared by the experts of the War and Navy Ministry, in the Special Consultation of the State Defence Council. It explains the reasons why most part of it was never implemented. Using sources from the NA RF and NAKR, this paper first examines the history of the elaboration and the following implementation of this defence project in 1906–1914. The decisions of the Special Consultation of the State Defence Council and problems of their practical implementation are analysed. Only one part of the project was implemented in 1911. It was the plan of creating the Amur River flotilla. However, it was greatly sequestered by the reason of financial problems. Not only the absence of money inhibited the creating of the ground defence, but also the gaps in regional geography and some debatable issues of fortifications construction. The War Minister of the Russian Empire V.A. Sukhomlinov saw all this during his visit to the Nikolayevsk Fortress in May 1911. He made a conference of all the leaders of the Priamurskiy Military District, and the plan of the “immobile defence” was curtailed and reconsidered. The slow implementation of this plan continued until the outbreak of World War I and went along with the military-geographical and topographical investigation of the Lower Amur region. The results of it were very useful in the Soviet Union time, on the new level of the defence building in the Russian Far East. Therefore, despite the heavy blunders in the infrastructure organisation, the Amur River flotilla, which already existed by the time of V.A. Sukhomlinov’s visit, became the foundation of the Amur defence. The idea of “mobile” defence was so prosperous, that the flotilla not only took an active part in World War II, in the time of the Manchu operation of 1945, but also continues its service today. The archival materials about the complex defence project of the Lower Amur and its mouth, the visit of V.A. Sukhomlinov and decisions that he made in Nikolayevsk about the changes in the building plans of the Nikolayevsk Fortress, the Amur River flotilla assessment and the descriptions of the absence the providing infrastructure are first published.

REFERENCES

1. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 601. List 1. File 457. (In Russian).
2. Anon. (1914) *Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlenn po 15 aprelya 1914 g.* [List to generals by seniority. Compiled on April 15, 1914]. Petrograd: Voennaya tipografiya.
3. Avilov, R.S., Ayushin, N.B. & Kalinin, V.I. (2013–2016) *Vladivostokskaya krepost’: voyska, fortifikatsiya, sobyitiya, lyudi* [Vladivostok fortress: troops, fortification, events, people]. Vols I–IV. Vladivostok: Dal’-nauka.
4. Avilov, R.S. (2015) Priamurskiy voennyi okrug (1884–1918 gg.): stranitsy istorii [Priamurskiy Military District (1884–1918): Pages of history]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*. 11.
5. Avilov, R.S. (2016) Voенnye reformy v Priamurskom voennom okruge nakanune Pervoy mirovoy voyny (1910 – leto 1914 g.) [Military reforms in the Priamurskiy Military District on the eve of the First World War (1910 – summer 1914)]. In: Ayrapetov, O.R. et al. (eds) *Russkiy Sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection: Studies on the History of Russia]. Vol. 19. Moscow: Modest Kolerov.
6. Avilov, R.S. (2013) *Razvitiye voенno-sukhoputnykh sil Rossii na Dal’nem Vostoke (1865–1895 gg.)* [The development of Russia’s military-land forces in the Far East (1865–1895)]. History Cand Diss. Vladivostok.
7. Kokovtsov, V.N. (2004) *Iz moego proshlogo (1903–1919): Vospominaniya. Memuary* [From my past (1903–1919): Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 543. List 1. File 303. *Vsepoddanneyshiy doklad ministra finansov po poezdke na Dal’niy Vostok osen’yu 1909 goda* [Report of the Minister of Finance on his trip to the Far East in the autumn of 1909].
9. Tsvetkov, I.F. (1995) *Istoriya otechestvennogo sudostroeniya: v 5 t.* [History of domestic shipbuilding: in 5 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Sudostroenie.
10. Chernikov, I.I. (2012) *Rechnye drednouty. Monitori tipa “Shkval”* [River dreadnoughts. Monitors of the “Shkval” type]. Moscow: Yauza; St. Petersburg: Gangut.
11. Chernikov, I.I. (1999) *Russkie rechnye flotilii za 1000 let (907–1917 gg.)* [Russian River Flotillas for 1000 years (907–1917)]. St. Petersburg: B.S.K.
12. Chernikov, I.I. (2007) *Entsiklopediya monitorov. Zashchitniki rechnykh granits Rossii* [Encyclopedia of monitors. Defenders of the Russian river borders]. St. Petersburg: Sudostroenie.
13. Sukhomlinov, V.A. (2005) *Vospominaniya. Memuary* [Memories. Memoirs]. Minsk: Kharvest.
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 601. List 1. File 474. *Vsepoddanneyshiy doklad Voennogo ministra o poezdke ego na Dal’niy Vostok v aprele i mae 1911 goda* [Report of the War Minister on his trip to the Far East in April and May 1911].
15. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). NSB. Item 1557. *Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 196 ot 24 aprelya 1911 g.* [Order to the troops of the Priamurskiy Military District No. 196 of April 24, 1911].
16. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). NSB. Item 1557. *Prikaz voyskam Priamurskogo voennogo okruga № 218 ot 11 maya 1911 g.* [Order to the troops of the Priamurskiy Military District No. 218 of May 11, 1911].
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 543. List 1. File 404. Part 3. *Vsepoddanneyshiy otchet o proizvedennoy v 1910 godu, po Vysochayshemu povelenyu, senatorom Glishchinskim revizii uchrezhdeniy i ustanovleniy voennogo vedomstva Irkutskogo i Priamurskogo voennykh okrugov. Intendantskoe vedomstvo. T. 2: Priamurskoe okružnoe intendantstvo. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1911* [Report on the inspection of units of the Irkutsk and Priamurskiy Military Districts, carried out in 1910 by Senator Glishchinsky by the highest order. Quartermaster Office. Vol. 2: Priamurskiy District Quartermaster Office. St. Petersburg: State Printing House, 1911].
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 543. List 1. File 404. Part 5. *Vsepoddanneyshiy otchet o proizvedennoy v 1910 godu, po Vysochayshemu povelenyu, senatorom Glishchinskim revizii uchrezhdeniy i ustanovleniy voennogo vedomstva Irkutskogo i Priamurskogo voennykh okrugov. Voенно-inzhenernoe vedomstvo i voyskovye stroitel’nye komissii. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1911* [Report on the inspection of units of the Irkutsk and Priamurskiy Military Districts, carried out in 1910 by Senator Glishchinsky by the highest order. Military-engineering department and military construction commissions. St. Petersburg: State Printing House, 1911].

Received: 10 January 2017